

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

11

1976

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

В. Н. ЯГОДИН

УСТЮРТ И ПРИАРАЛЬСКАЯ ДЕЛЬТА

(Некоторые итоги археологических исследований 1971—1975 годов)

Определяя основные задачи своей работы на 9-ю пятилетку, археологи КК ФАН УзССР не стремились к охвату всей проблематики, связанной с археологическими памятниками автономной республики, а руководствовались прежде всего актуальностью научной проблематики с точки зрения историографии каракалпакского народа. Поскольку исследователи единодушно связывают этногенез каракалпаков с кочевыми и полукочевыми племенами, обитавшими в степях Евразии¹, основным направлением стали поиски и изучение памятников степных племен древности и средневековья на территории Каракалпакии, особенно в ее северных районах. В качестве своеобразной лаборатории для изучения проблем номадизма было избрано плато Устюрт, где, судя по экологическим условиям, можно было ожидать развития кочевничества в его классических формах.

Поскольку территория Устюрта ранее практически не была затронута археологическими исследованиями, была выдвинута задача поисков и картирования всех археологических памятников данного района.

Другим направлением стало исследование генезиса того своеобразного комплексного земледельческо-скотоводческо-рыболовного типа хозяйства, который был характерен для каракалпаков на всем протяжении их истории. В этом направлении велось изучение культуры раннесредневекового владения Кердер как своеобразного хозяйственного аналога экономики каракалпаков позднего средневековья и нового времени. Основным объектом исследований было избрано кердерское поселение Курганча, где велись многолетние стационарные раскопочные работы². Сейчас завершен их первый этап, имевший целью выяснение стратиграфии, топографии и хронологии памятника в целом. Для этого использовались новейшие методические приемы, в частности, планиграфические задачи решались при помощи специальной аэрофотосъемки.

Для решения научных проблем, связанных с первым направлением наших работ, в истекший пятилетке были проведены поисковые маршруты по обследованию Восточного чинка и внутренних районов Устюрта³ (впадина Барсакельмес, солончак Агыин, пески Картпайкум,

¹ С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа, Краткие сообщения Института этнографии, вып. II, М., 1947; Очерки истории Каракалпакской АССР, т. I, Ташкент, 1964; М. К. Нурмухамедов, Т. А. Жданко, С. Қ. Камалов. Каракалпаки, Ташкент, 1971.

² В. Н. Ягодин. Кердерское поселение Курганча (К изучению исторической топографии и хронологии), Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера, Ташкент, 1973.

³ В. Н. Ягодин, Е. Бижанов. Археологические работы на Устюрте, Археологические открытия 1973 года, М., 1974; В. Н. Ягодин, Е. Бижанов, М. Мамбетуллаев, Н. Юсупов. Разведки на Устюрте, Археологические открытия 1972 года, М., 1973.

урочище Косбулак, район солончакового массива Чурук), покрывшие значительную часть плато, ранее совершенно не затронутую археологическим изучением.

В итоге на археологическую карту районов, где ранее были известны, в лучшем случае, один-два памятника, нанесены десятки новых объектов, и среди них такие, качественно новые для археологии Каракалпакии, как памятники кочевых племен древности и средневековья.

Новое пополнение фонда археологических источников весьма разнообразно в типологическом и хронологическом отношении. Это небольшие развешенные стоянки первобытного населения Устюрта, средневековые караван-сарай, курганы кочевников, торговые фактории средневекового Хорезма и, наконец, грандиозные сооружения для облавных охот и культовые постройки кочевых племен.

В хронологическом отношении вновь открытые памятники охватывают огромный исторический период от мезолита—неолита до эпохи Золотой орды, т. е. от VIII тыс. до н. э. до середины II тыс. н. э.

Археологические памятники первобытной эпохи. В процессе работ обнаружено 63 местонахождения каменного века. Специфическая топографическая черта их — гнездовое расположение. Большие группы этих памятников найдены на северо-западе Барсакельмесской впадины, в урочищах Булак, Косбулак, в районе солончака Чурук.

Изучение их позволило наметить пути к установлению места устюртского неолита в системе культур новокаменного века Евразии. Исследованиями специфики кремневой индустрии выявлено, что устюртский неолит характеризовался устойчивыми связями с неолитом Южного Приуралья, Юго-Восточного Прикаспия и внутренних Кызылкумов.

Другой существенный итог изучения неолитических местонаждений Устюрта — заключение о характере экологических условий на плато в VIII—III тыс. до н. э. Все мезолитические и неолитические объекты были связаны с более или менее постоянными источниками воды: озерами, ручьями и даже небольшими речками. Это позволяет полагать, что природные условия Устюрта в эпоху неолита существенно отличались от современных большей увлажненностью.

Глубокое изучение культур каменного века на Устюрте требует продолжения поисковых работ, особенно в районах, остающихся пока белыми пятнами на археологической карте. Актуальна и задача организации комплексных археолого-геоморфологических работ для всестороннего изучения природной среды, в которой существовало как мезолитическо-неолитическое, так и более позднее по времени население Устюрта.

Следует отметить также, что в процессе работ обнаружены первые памятники эпохи бронзы. К ним относятся часть курганов могильника Каракудук и часть местонахождения Сулама.

Памятники кочевников древности и средневековья. Специфика географической среды Устюрта допускала развитие здесь лишь кочевого скотоводческого хозяйства. Кормовые ресурсы плато позволяли осваивать его в качестве сезонного пастбища. Именно так оно использовалось кочевниками-казахами нового и новейшего времени⁴. Судя по имеющимся данным, за последние 2—3 тыс. лет природные условия Устюрта существенно не изменились, что дает основание говорить о широком освоении плато древними и средневековыми кочевниками. Об этом

⁴ Усть-Урт (Каракалпакский), его природа и хозяйство, Ташкент, 1949, стр. 206 и след.; С. В. Виктор о в. Индикация старых путей кочевания казахских родов табын и адай и ее значение для современного освоения Устюрта, Известия Всесоюзного географического общества, т. 103, вып. 5, М., 1971, стр. 444 и след.

свидетельствовали и результаты анализа некоторых материалов с археологических памятников древнего Хорезма. Так, анализ находок из одного погребения некрополя древнего Миздахкана позволил высказать предположение о том, что в хорезмийских городах оседали сарматы, кочевавшие со своими стадами по Устью⁵. О кочевых племенах ала-нов-асов и гузов на Устьюте упоминает ряд средневековых авторов⁶.

Все эти данные легли в основу разработанной нами и осуществленной в 1972—1975 гг. программы поисков археологических памятников кочевых племен на Устьюте. В ходе поисковых маршрутов было открыто и нанесено на археологическую карту около 50 новых памятников кочевников древности и средневековья.

По научной значимости первое место среди них, бесспорно, занимает огромный комплекс разновременных памятников в районе мыса Дуана, на севере Устьюта. Здесь находится грандиозная система сооружений, условно названных нами «стреловидными планировками», которые тянутся на десятки километров от мыса Дуана в направлении песков Матайкум. Сооружения эти, очевидно, использовались в массовых облавных охотах как загоны-ловушки. Об их масштабах говорит уже тот факт, что длина отдельной «стреловидной планировки» составляет обычно 0,8—1,0 км.

В том же районе найдены стоянки кочевников и огромный могильник, расположенный в большой излучине Восточного чинка Устьюта, которая образована многократными оползнями, сформировавшимися в направлении от плато к морю нечто вроде гигантского амфитеатра.

В составе могильника выделяются погребения различных типов, культовые постройки, петроглифы, связанные с местами отправления культа.

Наиболее раннюю группу памятников древнего кочевого населения Устьюта составляют объекты, суммарно датируемые VII—IV вв. до н. э. Это курганы с каменными ящиками на древнем горизонте. Среди выявленного погребального инвентаря наиболее выразительна бронзовая пряжка, выполненная в скифо-сибирском зверином стиле. Изображение стилизовано, но можно предположить, что перед нами — сцена терзания хищником крупного животного, очевидно верблюда. Этот сюжет, широко распространенный в ареале скифо-сибирского звериного стиля, по мнению многих ученых, несет в себе магические функции, играя роль своего рода оберега⁷.

В целом указанной группе памятников пока трудно дать точное хронологическое и культурное определение. Ясно лишь, что их можно отнести к кругу савромато-сакских культур степей Евразии.

Следующую хронологическую группу составляют объекты, суммарно датируемые IV в. до н. э.— II в. н. э. Это курганы с погребениями разных типов. Из обнаруженных здесь многочисленных находок заслуживает упоминания бронзовое зеркало с гравированным изображением. В центре композиции — водоплавающая птица из породы утиных. В древней ирано-индийской мифологии утка была олицетворением зем-

⁵ В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана, Ташкент, 1970, стр. 162 и след.; В. Н. Ягодин. К вопросу о связях Хорезма с Поволжьем и Приуральем в первой половине I тысячелетия н. э., Археология и этнография Башкирии, Уфа, 1971.

⁶ См.: С. Волип. К истории древнего Хорезма, Вестник древней истории, 1941, № 1, стр. 194; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под ред. акад. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939, стр. 59—60; Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М.—Л., 1939, стр. 167—169, 178, 188, 210.

⁷ Г. А. Федоров-Давыдов. О сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства, Успехи среднеазиатской археологии, Л., 1975, стр. 28.

ного, смертного мира, и культовые древности с ее изображением должны рассматриваться, следовательно, как атрибуты божества, олицетворяющего земной мир и власть над ним⁸.

В скифском искусстве утка служила символом первопредка Таргитая, а предметы с ее изображением — атрибутами его культа⁹.

Детальный сопоставительный анализ данной группы памятников Устюрта позволяет отнести их к раннесарматской прохоровской культуре, известной до сих пор в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье. Но в них прослеживается сходство только с Южноуральской группой памятников прохоровской культуры. Столь значительное расширение раннесарматского ареала на юг требует своего объяснения.

Накладывая карту исследованных на Восточном чинке раннесарматских курганов на карту кочевых путей казахов нового времени, нельзя не заметить почти полного их совпадения. По Восточному чинку Устюрта проходил кочевой путь казахов-табынов, которые зимовали в районах Южного Приаралья, ранней весной поднимались на Устюрт, к лету **перекочевывали** в бассейны Сагиза, Уила и Эмбы, а в отдельные неблагоприятные годы уходили на север, где они не бывали десятки лет¹⁰.

Исследователи единодушно признают, что сарматы были кочевыми скотоводческими племенами, а приуральские сарматы отличались большей подвижностью по сравнению с нижевожскими¹¹. Обнаружение раннесарматских памятников на Устюрте и локализация части их меридиональной печопкой, протянувшейся через Устюрт к центрам древнехорезмийской оседлоземледельческой цивилизации, позволяют вновь поднять вопрос о существовании кочевого цикла у сарматов по маршруту Южное Приуралье — Юго-Западное Приаралье.

Действительно, бесплодные земли Устюрта, скудость источников воды, сезонный характер пастбищ позволяли вести лишь кочевое скотоводческое хозяйство путем сезонных перекочевов в меридиональном направлении, вслед за созреванием трав на пастбищах. Именно специфические природно-географические условия определили формирование сарматского кочевого цикла Южное Приуралье — Юго-Западное Приаралье и выделение локальной группы (или групп) племен, традиционно кочевавших в этом направлении. Пока нам удалось нащупать лишь один из этих путей.

Надо полагать, что часть сарматских памятников Южного Приуралья характеризует лишь летовочные стоянки, а зимовки следует искать далеко на юге. Не исключено, что известные ныне памятники сарматского времени к югу и востоку от Устюрта¹² дешифруют на карте места зимовок сарматских племен, чьи кочевые трассы пересекали гигантское плато Устюрт.

Индикация этих путей, очевидно, прояснит многие вопросы этнических и культурных взаимодействий обширного кочевого сарматского мира степей Евразии и мира оседлоземледельческих цивилизаций древ-

⁸ Д. С. Раевский. О семантике одного из образов скифского искусства, *Новое в археологии*, М., 1972, стр. 64.

⁹ Там же, стр. 66.

¹⁰ Усть-Урт (Каракалпакский), его природа и хозяйство, стр. 149—150.

¹¹ К. Ф. Смирнов. Производство и характер хозяйства ранних сарматов, *Советская археология*, 1964, № 3, стр. 49—50.

¹² В. А. Лоховиц. Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении, *История, археология, этнография Средней Азии*, М., 1968; А. А. Марушенок. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана, *Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР*, т. V, Ашхабад, 1959; М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана, *Вестник древней истории*, 1953, № 1, стр. 158—159.

ней Средней Азии, в первую очередь Хорезма как форпоста древнево-сточных городских цивилизаций, выдвинутого далеко в глубь кочевой степи.

Сарматы, кочевавшие через Устюрт и зимовавшие на границах Хорезмского оазиса, находились в тесной связи с населением древних городских и земледельческих центров Хорезма. Для поздних этапов развития сарматской культуры мы фиксируем даже оседание части степняков в хорезмийских городах¹³.

О существовании подобных связей свидетельствуют находки хорезмийских сосудов в прохоровских курганах Южного Приуралья и в раннесарматских курганах Восточного чинка Устюрта. Кочевавшие через Устюрт сарматы выступали переносчиками культурной информации между миром оседлоземледельческих, городских цивилизаций западной части Средней Азии и обширным миром степных и лесостепных племен Приуралья и Западной Сибири. Коммуникации же, по которым шел этот обмен культурной информацией, не были ни путями завоевателей, ни, возможно даже, путями торговых караванов. Это были пути, по которым традиционно осуществлялся сезонный кочевой цикл сарматских племен Южного Приуралья — Юго-Западного Приаралья.

Следующая хронологическая группа открытых нами археологических объектов Устюрта датируется II—IV вв. н. э. и определяется как позднесарматская (сармато-аланская). Представлена она курганами, обнаруженными пока только в могильнике Дуана. Погребение совершалось под грунтовой насыпью, в грунтовой подпрямоугольной яме, обложенной по периметру камнем и иногда перекрытой по уровню горизонта каменной закладкой. Ориентация костяков северная.

Последняя из обнаруженных нами групп кочевнических памятников датируется VII—VIII вв. Она более разнообразна в типологическом отношении и представлена не только погребальными памятниками, как первые три группы, но и культовыми постройками, сооружениями для облавных охот, петроглифами и стоянками.

Погребальные памятники имеют цилиндрические или квадратные наземные сооружения со входом на южной стороне. Под ними в грунтовой яме находятся погребения в каменных ящиках, сопровождающиеся инвентарем. Ориентация погребенных северная.

Культовые сооружения представлены небольшими каменными ограда-ми, внутри которых происходили культовые церемонии, связанные с огнем и ритуальными трапезами. Петроглифы связаны с культовыми сооружениями и представляют собой не реалистические изображения, а серию пиктограмм, глубоко процарапанных на поверхности обнажающегося пласта твердой глины. О сооружениях, предназначенных для облавных охот, говорилось выше.

Материал, полученный при исследовании археологических объектов этого периода, позволил установить, что вся группа памятников VII—VIII вв. характеризуется единой культурой, по основным признакам совпадающей с джетыясарской культурой на III этапе ее развития, известной ранее лишь для Нижней Сырдарьи. Значительное сходство отмечается и с кердерской культурой правобережной части Приаральской дельты Амударьи, генетически связанной с джетыясарской культурой.

Появление джетыясарской культуры на Устюрте может быть связано с отмеченным исследователями фактом запустения большинства памятников джетыясарской культуры на Нижней Сырдарье в конце VII в.

¹³ В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов. Указ. соч., стр. 166.

н. э. и распространением ее в дельту Амударьи, где на этой основе формируется кердерская культура, и в дельту Сырдарьи, где она ассимилируется с «культурой болотных городищ»¹⁴. Распространение джетысарской культуры на Устюрт сопровождалось переходом ее носителей от комплексного к кочевому типу хозяйства.

Культура Устюрта VII—VIII вв. характеризуется сохранением мощнейшего сармато-аланского пласта и может быть определена как аланская. В этой связи напомним, что Беруни писал о поселениях аланов-асов в обширном районе Устюрта — Мангышлака¹⁵. О расселении аланов на Устюрте свидетельствуют и данные топонимики. Имя алан сохранилось в названии развалин укрепления на северо-западе Барсакельмеса. С. П. Толстов, впервые обследовавший его, пишет, что оно было построено в стране устюртских аланов¹⁶. Этноним «алан» вошел составным элементом еще в ряд устюртских топонимов (напр., «кара-алан»).

Средневековые археологические памятники. На Устюрте и до наших работ было известно довольно много средневековых памятников. Поэтому первоначально планировались лишь небольшие исследования для уточнения некоторых неясных вопросов в отношении этой категории археологических объектов. Но первые же результаты наших работ показали недостаточную аргументированность многих исторических гипотез, построенных на основе предварительного обследования средневековых памятников района. Это заставило нас пересмотреть первоначальные планы и развернуть изучение указанных объектов в более широком плане.

За пять лет обследовано 27 средневековых памятников, из них 11 открыты нами. На 11 объектах проведены полные или частичные раскопки. Установлено, что все памятники — хорезмийские, афригидо-саманидского, хорезмшахского и хорезмийско-джучидского (золотоордынского) периодов.

Исследование позволило признать не соответствующей новым археологическим фактам гипотезу о том, что на границах средневекового Хорезма по Восточному чинку Устюрта была воздвигнута цепь военных укреплений, прикрывавших Хорезм со стороны степи, и сторожевых башен, служивших также своего рода системой передачи световых сигналов от границ Хорезма к его столице — Гурганджу. На этой основе строилась и гипотеза о характере взаимоотношений средневекового Хорезма с кочевым гузским миром¹⁷.

Полное обследование, картирование и раскопки средневековых памятников Восточного чинка показали, что из имеющихся здесь десятки городищ только одно можно определить как остатки военной крепости. Остальные были своеобразными караван-сараями, хорезмийскими торговыми факториями, где осуществлялся торговый обмен оседлоземледельческого Хорезма с кочевой степью. В этом отношении показательны многочисленные находки лепной гузской керамики в культурных слоях хорезмийских факторий на Восточном чинке совместно с собственно хорезмийской керамикой.

¹⁴ Л. М. Левина. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э., Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, VII, М., 1971, стр. 76.

¹⁵ С. Волин. К истории древнего Хорезма, стр. 194.

¹⁶ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 49.

¹⁷ С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 249 и след.

Не существовало и единой системы передачи световых сигналов. Башни на Восточном чинке разновременны, не просматриваются одна с другой и не составляют единой системы. Функции их, очевидно, были разные (ориентеры для торговых караванов, ориентеры, показывающие расположение хорезмийских городов, и т. д.) В целом средневековые памятники Восточного чинка Устюрта, безусловно, образуют систему, но не оборонительную и не сигнальную, а государственную систему экономического обмена между кочевой степью и оседлоземледельческим Хорезмом.

Естественно, что подобная интерпретация средневековых памятников Восточного чинка Устюрта заставляет совершенно по-новому взглянуть на проблему взаимоотношений Хорезма и кочевой гузской степи. Видимо, надо признать, что антагонизм между ними был сильно преувеличен.

Изучение кердерской культуры. В плане исследований культуры раннесредневекового владения Кердер в 1971—1973 гг. продолжалось стационарное изучение кердерского поселения Курганча, начатое еще в 1965 г. Поселение было определено как эталонное для культуры Кердера в целом. Сейчас можно говорить о завершении первого этапа научного изучения этого памятника. Разработаны вопросы его топографии, стратиграфии и хронологии, установлена внутренняя структура, определены основные этапы его сложения.

Стратиграфическими наблюдениями и анализом нумизматических данных установлено, что поселение возникает в конце VII в. и запустевает в середине VIII в. н. э.¹⁸ В этих хронологических рамках удалось выделить ранний период развития памятника (конец VII—начало VIII в.) и поздний период (I половина — середина VIII в.).

На материалах кердерской культуры в целом продолжалось изучение политической истории Кердера. На основе нумизматических данных установлено несколько имен правителей Кердера, чеканивших собственную монету. Это, например, Хусрав, монетные эмиссии которого датируются периодом конца VII—начала VIII в. (до 712 г.), одновременно с хорезмийским чеканом Азакцвара-Чегана, именуемого в источниках «хорезмшахом». По отношению к нему владельцы Кердера выступали в роли удельных правителей. Кердерский чекан продолжался и в середине VIII в., для которого выделены монеты так называемого «чекана по типу Савашфана». Имя чеканившего их кердерского правителя неизвестно, во всяком случае, в монетных легендах его нет. Правил он одновременно с хорезмшахом Савашфаном, в традициях чекана которого и выпускал собственные монеты¹⁹.

Продолжалось и этногенетическое изучение культуры Кердера. Установлены ее генетическая зависимость от джетысарской культуры низовьев Сырдарьи и сохранение в ней сильных сармато-аланских традиций. Вопрос о ее этническом определении на позднем этапе развития исследован уже довольно полно, и культуру Кердера того периода можно с достаточным основанием связывать с огузским этносом²⁰. Что касается раннего этапа развития этой культуры, то пока в качестве чисто рабочей гипотезы нами принята версия, связывающая ранний

¹⁸ В. Н. Ягодин. Кердерское поселение Курганча..., стр. 42.

¹⁹ Б. И. Вайнберг. Удельный чекан раннесредневекового Кердера, Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера, Ташкент, 1973.

²⁰ В. Н. Ягодин. Об этническом определении Кердерской культуры и ее роли в этногенезе каракалпаков, Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1971, № 3.

Кердер с народом курданов древнетюркских орхоно-енисейских надписей (12-я строка надписи Тоньюкука)²¹.

Продолжались исследования этногенетических связей кердерской культуры с современными тюркоязычными народами и поиски следов населения Кердера в эпоху средневековья. Удалось установить, что оно не уходит полностью с исторической арены после исчезновения владения и области Кердер. В золотоордынскую эпоху, например, курданы (кердеры?) обитают в Волжской Булгарии. Так, из Волжской Булгарии происходит Махмуд бин Али ас-Саран, автор известного сочинения «Нахдж ал-Фарадис»²², написанного на огузо-кипчакском языке, в котором сохраняется много архаических элементов в фонетике, лексике и морфологии. Эти элементы некоторые лингвисты возводят к языку населения Кердера²³, которое, по свидетельству Якута, говорило на языке «не хорезмийском и не тюркском»²⁴. В конце рукописи автор пишет, что по происхождению он из Булгара, «по рождению Кердери»²⁵.

И, наконец, этнонимы кердерли, кердери и кердер, сохранившиеся до наших дней в родоплеменной номенклатуре казанских татар²⁶, казахов²⁷ и каракалпаков²⁸, позволяют считать, что раннесредневековые кердеры вошли в качестве отдельных этнических компонентов в состав этих народов.

В текущей пятилетке археологические изыскания в указанном районе получат дальнейшее развитие и, несомненно, приведут к выявлению нового ценного материала и более глубокому пониманию исторического прошлого этого обширного ареала.

В. Н. Ягодин

УСТЮРТ ВА ОРОЛ БҮЙИ ДЕЛЬТАСИ

(1971—1975 йилларда олиб борилган баъзи бир археологик изланишлар натижалари)

ЎзССР ФА Қорақалпоқ филиали археологларининг Устюрт ва Орол бўйи дельтаси районлари тарихий ёдгорликларини ўрганишда тўққизинчи беш йилликда ўтказилган асосий иш натижалари ёритилди.

²¹ П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина, Записки восточного отделения Русского археологического общества, т. XII, вып. II—III, СПб, 1899, стр. 142.

²² Э. Н. Наджиб. О памятнике XIV века «Нахдж ал-Фарадис» и его языке, Советская тюркология, 1971, № 6.

²³ С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, Алма-Ата, 1959, стр. 103—105.

²⁴ Якут. Книга муджам ал булду, Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 431.

²⁵ Э. Н. Наджиб. Указ. статья, стр. 62.

²⁶ Г. В. Юсупов. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика, как источник исследования этногенеза казанских татар, Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья, Казань, 1971, стр. 222.

²⁷ В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968, стр. 83.

²⁸ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса, Труды Хорезмской археолого-эпиграфической экспедиции АН СССР, т. I, М., 1952, стр. 479.

ЎЗБЕКСТАН ССР
ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСИ
ҚАРАҚАЛПАҚСТАН ФИЛИАЛЫНЫҢ
ХАБАРШЫСЫ

ЖИГИРМА ЕКИНШИ ЖЫЛ БАСЫЛҰҰ

ВЕСТНИК

КАРАКАЛПАКСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

№ 2 (84)

1981

КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ
НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

заки-несогласники вынуждены были остаться в Средней Азии. По сведениям историка яицких казаков А. Б. Карпова, с Урала было выслано: 1049 казаков полевого разряда, 344 внутренних-служащих, 1143 отставных, а всего 2526. Потом к ним переселились семьи — 1066 человек мужского и женского пола. По другим сведениям, из войска было выслано более 5 тыс. человек.

Постепенно «уходцы» стали расселяться по Сырдарье и Амударье, обживая новые места и разрастаясь по чис-

ленности. В Уральском поселке в 1877 г. численность 396 человек исключительно мужского пола от 20 до 70-летнего возраста. А в 1879 г. уже было, помимо мужчин, 287 женщин и 615 детей. В эти же годы из Уральского поселка выделилась небольшая группа из 18 семейств в Нукус, которая впоследствии разрослась в большую русскую колонию. Уральцы осели также в Казалинске, Жусалы, Туркестане, Кзыл-Орде, Пенджикенте и других местах Средней Азии и Казахстана.

Summary

In 1874 czarist government has approved „The Status about the Military Duty, Social and Economical Management in the Ural Cossack Army“ which was a new encroachment on the socialo-economic rights of the Cossacks. History of the fight of the Ural Cossacks for their rights, against their forced move to the Central Asia is presented in the paper.

АРХЕОЛОГИЯ

В. Н. ЯГОДИН

ФАУНА РЫБ КЕРДЕРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ ПРИАРАЛЬСКОЙ ДЕЛЬТЫ АМУДАРЬИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Исследователи, занимавшиеся археологическим изучением кердерских поселений, отмечают массовые находки костей и чешуи рыб [7, с. 133; 5, с. 258; 4, с. 49; 19].

Материал коллекций костей и чешуи рыб из раннекердерских слоев поселений Ток-кала, Куюк-кала, Курганча и позднекердерского городища Хайван-кала был изучен специалистами-ихтиологами, что позволило установить не только видовой состав фауны рыб, служивших объектами промысла, но и расчислить по отдельным видам темпы роста и размеры рыб [17, с. 283, 284]. Эти данные служат ценным источником информации как для изучения вопросов палеоэкономики, так и для реконструкции природной среды. Попытаемся проанализировать состав раннесредневековой ихтиофауны кердерских поселений (таблица 1) в качестве индикатора типа водоемов. Обратимся к характеристике условий обитания по каждому виду рыб.

Шип — *Acipenser nudiventris* Lov. Проходная рыба, обитает в Аральском море. На нерест поднимается в Амударью, вплоть до верховьев. Идет только на мутную воду основных протоков дельты [8, с. 68, 69; 3; 15, с. 20 и сл.].

Аральский усач — *Barbus brachycephalus* Kessler. Проходная рыба. Распространена только в бассейне Арала. Живет и нагуливается в море, на нерест идет в реку, поднимаясь до верховьев Амударьи. Идет только на мутную воду основных дельтовых русел Амударьи [8, с. 100—104; 12].

Щука — *Esox lucius* L. Обитатель заросших протоков дельты Амударьи с прозрачной водой, спокойным течением и озер с камышовыми зарослями. В мутной воде основных дельтовых русел Амударьи с сильным течением не встречается [8, с. 174].

Плотва (аральская вобла) — *Rutilus rutilus aralensis* Berg. Распространена по всей площади Аральского моря и в озерах. Образует как морскую быстрорастущую, крупную разновидность, так и мелкую ту-

горослую камышовую морфу—обитательницу сильно заросших непро- точных озер. Нерестится в озерах с зарослями тростника и на заросших морских мелководьях [8, с. 74].

Таблица 1

Состав и соотношение видов рыб в уловах по материалам раскопок кердерских поселений

Вид рыбы	Ток-кала		Куюк-кала		Курганча		Хайван-кала	
	Кол-во костей	% соотноше- ния между видами	Кол-во костей	% соотноше- ния между видами	Кол-во костей	% соотноше- ния между видами	Кол-во костей	% соотноше- ния между видами
Шип	1	0,4	1	0,2	—	—	—	—
Щука	2	1,0	2	0,4	8	3,6	2	1,2
Плотва	26	10,0	19	3,2	27	12,1	12	7,0
Жерех	2	1,0	6	1,0	—	—	—	—
Красноперка	—	—	—	—	1	0,5	—	—
Лещ	90	34,4	237	40,7	1	0,5	116	67,8
Аральский усач	4	1,6	1	0,2	—	—	—	—
Сазан	88	33,6	62	10,6	125	56,3	38	22,1
Сом	5	2,0	12	2,0	30	13,5	3	1,9
Судак	—	—	—	—	9	4,0	—	—
Окунь	—	—	4	0,7	1	0,5	—	—
Неопределенные кости	44	17,0	239	41,0	20	9,0	—	—
	262	100	583	100	222	100	172	100

Аральский жерех—*Aspius aspius iblioides* (Kessler) Полупроходная рыба. Обитает и нагуливается в Аральском море и дельтовых озерах, при достижении половой зрелости идет на нерест в Амударью, который происходит на участках нижнего течения реки [8, с. 94, 95; 2].

Красноперка—*Scardinius erythrophthalmus* (L.). Распространена преимущественно по озерам, в Аральском море редка. В течение всей жизни держится в камышовых зарослях [8, с. 91].

Аральский лещ—*Abramis brama orientalis* Berg. Распространен в Аральском море и дельтовых проточных озерах с зарослями тростника. Полупроходная рыба, живет и нагуливается в солоноватой морской воде, а для икрометания подходит к устьям рек [8, с. 128, 131, 133]. Выше нижнего течения реки не поднимается [9, с. 314].

Сазан—*Cyprinus carpio* L. Широко распространенный вид. Живет по всей акватории Аральского моря и в дельтовых водоемах Амударьи. После окончания периода нагула входит в низовья реки и залегает на зиму в ямах. Нерестится на подводной растительности предустьевой опресненной зоны. Известны крупная, быстрорастущая морская разновидность и мелкая тугорослая камышовая морфа—типичный обитатель заросших озер [8, с. 162].

Сом—*Silurus glanis* L. Живет в Аральском море, в озерах и русле Амударьи. Представлен двумя формами: быстрорастущей крупной морской и тугорослой мелкой камышовой [18, с. 170].

Судак—*Lucioperca lucioperca* (L.). Основное местообитание—Аральское море, но встречается в реке и чистых озерах. Заболоченных водоемов избегает, очень чувствителен к содержанию в воде кислорода. Нерестится как в пресной, так и соленой воде. По образу жизни раз-

деляется на две биологические группы—проходную и жилую [8, с. 178—180].

Окунь—*Perca fluviatilis* L. Типичный обитатель озер, приспособленный к жизни среди зарослей. В значительном количестве встречается в озерах дельты Амударьи. В Аральском море держится в прибрежных зарослях и среди глыб камня [8, с. 183, 184].

Приведенный обзор позволяет выделить в составе ихтиофауны Кердера по экологическим признакам три группы рыб.

Группа I. Рыбы, промысел которых мог производиться только в море или на основных дельтовых руслах Амударьи с сильным течением и мутной водой—проходные рыбы Аральского моря. К этой группе относятся шип и аральский усач.

Группа II. Рыбы, обитающие в озерах и протоках с осветленной водой и сильно развитой подводной и надводной растительностью. В эту группу выделены щука, плотва, красноперка, окунь, а также камышовые формы сазана и сома.

Группа III. В нее вошли рыбы, обитающие в определенные периоды в реке или живущие в ней постоянно. К этой группе отнесены жерех, судак, лещ, крупные „морские“ формы сома и сазана.

Проанализируем состав ихтиофауны по отдельным кердерским поселениям. В составе уловов на поселении Ток-калы отмечено наличие представителей всех трех групп рыб. Это, наводит на мысль о том, что население промысляло рыбу как на основных руслах Амударьи, так и в озерах. Действительно, наличие костей проходных шипа и усача свидетельствует о промысле на основном русле или руслах, а довольно большое количество костей плотвы—об использовании для промысла озерных водоемов. Среди представителей третьей группы, главным образом сома и сазана, ихтиологи выделяют как представителей тугорослых „камышовых“ форм, так и представителей быстрорастущих „морских“ форм [17, с. 283—285, табл. 4, 6].

[Таблица 2

Размеры рыб (см), имеющих быстрорастущую и тугорослую формы, из культурных слоев поселений Кердера

Вид рыб	Ток-калы		Куюк-калы		Курганча		Хайван-калы	
	мин.	макс.	мин.	макс.	мин.	макс.	мин.	макс.
Сом	92	235	63	178	60	270	65	97
Сазан	25	65	25	60	23	64	25	60
Лещ	20	40	20	35	—	53	25	40
Плотва	22	33	18	25	20	36	25	36

Что касается аральского жереха и аральского леща, то они, как отмечалось, периодически мигрируют в реку из моря, обитают также в проточных дельтовых озерах. Обращает на себя внимание большой процент костей леща. Видимо, это обусловлено близостью Ток-калы к устьевым районам дельты, к которым зимой происходит массовый подход леща, создающий благоприятные условия для промысла.

Таким образом, анализ состава ихтиофауны из культурных слоев раннекердерской Ток-калы позволяет говорить о том, что в ее районе находились как русла с мутной водой и быстрым течением (вероятно, главный проток Приаральской дельты), так и озерные водоемы с прозрачной водой и богато развитой растительностью. То есть, перед нами

дельтовый район со стабильным речным руслом и многочисленными пойменными озерами, возобновлявшимися во время ежегодных речных паводков. Наличие в составе промысловой ихтиофауны из раннекердерской Ток-калы таких типичных обитателей озер, как щука и плотва, а также тугорослых форм сазана, сома и леща, не позволяет согласиться с выводами Е. А. Цепкина о том, что население раннесредневековой Ток-калы ловило рыбу главным образом в протоках русла Амударьи, несущих мутную воду [17, с. 287]. Анализ ихтиофауны свидетельствует, что промысел велся как на основных руслах, так и в пойменных озерах.

Состав ихтиофауны другого раннекердерского поселения Куюк-калы близок к уже проанализированному составу рыб Ток-калы (таблица 1). Новым здесь видом является окунь. Наличие в ихтиофауне шипа и аральского усача указывает на функционирование в районе Куюк-калы основных дельтовых протоков с быстрым течением и мутной водой, имеющих прямой выход в море. Типично озерные виды—щука, окунь, плотва, а также камышовые формы сазана, сома, леща [17, с. 283—285, табл. 3, 4] свидетельствуют о существовании постоянных водоемов озерного типа с погруженной растительностью и зарослями камыша. Обращает на себя внимание большой процент костей леща (таблица 1). Вероятно, это обусловлено близостью Куюк-калы к тогдашним устьевым районам дельты. Береговая линия Аральского моря, видимо, располагалась в эпоху раннего средневековья южнее современной и устьевая зона находилась где-то севернее возвышенности Кусканатау. Таким образом, район Куюк-калы в гидрографическом отношении являлся устьевым районом дельты, где протекали протоки с мутной водой и быстрым течением и существовали многочисленные заросшие камышом придельтовые озера и разливы с осветленной водой, непроточные или слабопроточные.

Резко отличается по составу ихтиофауны от первых двух вышеупомянутых археологических объектов поселение Курганча [18]. Здесь полностью отсутствуют кости аральского усача и шипа (таблица 1). Очень мало, по сравнению с Ток-калой и Куюк-калой, остатков аральского леща, который мог промысливаться в массовом порядке лишь в устьевых и приустьевых районах дельты. Большое количество в уловах населения Курганчи щуки, красноперки, плотвы и окуня свидетельствует об озерном характере водоема, где велся промысел. Об этом же говорит и наличие в составе ихтиофауны тугорослых камышовых форм сома и сазана (таблица 2). Такой набор добываемых рыб, кроме того, может свидетельствовать и о наличии обильной растительности как подводной, так и зарослей камыша. Наличие судака в уловах указывает на то, что это был не проток, а именно водоем или система водоемов озерного типа.

Сопоставляя состав рыб из культурных слоев поселения Курганча с составом ихтиофауны неолитической стоянки Джанбас-4, нельзя не заметить их близкого сходства, что свидетельствует об однотипности водоемов, где велся промысел. Исследователи палеоихтиологического материала определяют водоем, где вели промысел обитатели неолитической стоянки Джанбас-4, как озерный с обильной подводной растительностью и прозрачной водой [10, с. 211]. Район стоянки Джанбас-4 считают частью древней внутренней дельты, так наз. Южной дельты Акчадарьи. В эпоху неолита эта дельта занимала обширные пространства, ограниченные с запада и северо-запада хребтом Султануиздаг, с востока—песками Кызылкумы [11, с. 35 и сл.]. По наблюдениям исследователей Южной дельты Акчадарьи, большинство неолитических стоянок располагалось здесь вдоль мелких заиленных русел. „По та-

ким руслам в древности текли очень спокойные протоки с тихими заводьями и старицами. В них водилась рыба, а берега были покрыты тугайной растительностью...“ [11, с. 45].

Аналогичная внутренняя дельта существовала в VII—VIII вв. и в Даукаринской низменности, на одном из песчаных бугров которой располагалось кердерское поселение Курганча.

Состав ихтиофауны для позднего этапа развития кердерской культуры можно изучать на материалах из раскопок Хайван-калы [19]. На рубеже IX—X вв. происходит постепенное затухание протоков Прикуванышджарминской дельты и перемещение русла Амударьи в крайнее западное положение [13]. Для сохранения течения воды в некоторых из прежних русел поселение Кердера при помощи каких-то гидротехнических мероприятий направило часть амударьинских вод в одно из прежних русел, которое и получило название „канал Кердер“ [14]. По данным арабского средневекового географа ал Истахри [6, с. 179], канал брал начало в 4 фарсах ниже главного города, т. е. Кята, и имел четыре головы. Эти данные отчасти подтверждаются и анализом фауны рыб из Хайван-калы, поселение которой занималось рыбным промыслом как на самом канале, так и на образуемых им разливах и озерах.

Анализ состава ихтиофауны (таблица 1) свидетельствует о том, что вылавливались типичные обитатели медленно текущих вод, заросших озер—щука, плотва, сазан, сом. Характерно наличие камышовых форм сазана и сома [17, с. 284, 285, табл. 4, 6], прямо указывающих на промысел в заросших протоках и озерах. В то же время наличие в составе ихтиофауны леща может свидетельствовать о сохранении канала Кердер связи с морем. Таким образом, вопрос, поставленный В. В. Бартоломом относительно соединения канала Кердер с Аральским морем, находит свое положительное решение [1].

Как уже отмечалось, состав ихтиофауны может служить определенным климатическим индикатором. В раннем средневековье и в современности фауну рыб Приаральской дельты составляют представители тепловодной циркумбореальной ихтиофауны: жерех, сом, лещ, сазан, красноперка и др. (таблица 3). Сходство фауны рыб в эти эпохи может свидетельствовать и об общем сходстве климатических условий.

Анализируя состав современной ихтиофауны по всей Амударье от ее верховьев до Аральского моря, нетрудно заметить, что она неодинакова на различных участках реки. По экологическим признакам современные исследователи разделяют ее на горную, предгорную, равнинную и дельтовую [16]. Состав ихтиофауны современной дельтовой зоны практически полностью совпадает с ископаемым раннесредневековым (таблица 3). Это обстоятельство, видимо, обусловлено общим сходством экологических условий Южного Приаралья эпохи раннего средневековья и современности. И в том и другом случае это была дельта Амударьи, где, помимо системы основных русел, характерно сильное развитие придаточной системы: озер, стариц, протоков, разливов.

Однако мысль о сходстве экологических условий справедлива лишь тогда, когда речь идет об обобщенной характеристике Приаральской дельты. Внутри же этого региона мы фиксируем существенные изменения среды, выражающиеся в переформировании гидрографической сети, смены типов водоемов, изменении характера обводненности, осушении одних районов и обводнении других и т. п. Вслед за этими изменениями происходила и перестройка ихтиофауны, выражавшаяся в изменении ее состава и количественных соотношений между отдельными видами, приводившими в соответствие тип водоема и видовой состав характерной для него ихтиофауны.

**Состав современной и раннесредневековой ихтиофауны
Приаральской дельты Амударьи**

Виды рыб	Современная дельта	Раннесредневековая дельта
Щука	+	+
Аральская плотва	+	+
Туркестанский язь	+	—
Красноперка	+	+
Жерех	+	+
Аральская шемая	+	—
Лещ	+	+
Серебряный карась	+	—
Сазан	+	+
Сом	+	+
Судак	+	+
Окунь	+	+
Шип	+	+
Аральский усач	+	+

Исходя из анализа ихтиофауны раннесредневековой Приаральской дельты Амударьи, можно выделить для периода VII—VIII вв. три различных района: 1) Токкалинский—верхний, в значительной степени уже осушенный участок дельты, со стабильными руслами (или руслом) и пойменными озерами; 2) Куюккалинский—устьевой участок дельты с многочисленными протоками, болотами, озерами, опресненным мелководным побережьем Аральского моря, зарослями тростника; 3) Курганчинский—внутренняя так наз. „Даукаринская“ дельта с многочисленными озерами и медленно текущими протоками с прозрачной водой, зарослями камыша. Для IX—X вв. мы фиксируем осушение и опустынивание значительной части дельты VII—VIII вв., сохранение течения воды лишь в „канале“ Кердер, сохранившем, вероятно, связь с морем.

Литература

- [1] Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Сочинения, т. III. М., изд-во „Наука“, 1965.
- [2] Барханкова Г. М. Аральский жерех. Ташкент, изд-во „Фан“ УзССР, 1979.
- [3] Берг Л. С. Рыбы Туркестана. Научные результаты Аральской экспедиции, вып. 6. СПб, 1905.
- [4] Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, изд-во „Фан“ УзССР, 1964.
- [5] Гудкова А. В., Ягодин В. Н. Археологические исследования в правобережной части Приаральской дельты Амударьи в 1958—1959 гг. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 6. М., изд-во АН СССР, 1963.
- [6] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.-Л., изд-во АН СССР, 1939.
- [7] Неразик Е. Е., Рапопорт Ю. А. Куюк-кала в 1956 г. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. I. М., изд-во АН СССР, 1959.
- [8] Никольский Г. В. Рыбы Аральского моря. Материалы к познанию фауны и флоры СССР. Новая серия, отдел зоологический. М., изд-во МОИП, 1940, вып. I (XVI).
- [9] Никольский Г. В. Экология рыб. М., изд-во „Высшая школа“, 1974.
- [10] Никольский Г. В., Радаков В. Д., Лебедев В. Д. Остатки рыб из стоянки Джанбас-кала № 4. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., изд-во АН СССР, 1952.
- [11] Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3. М., изд-во АН*СССР, 1960.
- [12] Павловская Л. П. Аральский усач. Систематика и биология. Ташкент, изд-во „Фан“ УзССР, 1976.
- [13] Сорокина Р. А., Ягодин В. Н. Археолого-геоморфологические работы в западной части Приаральской дельты Амударьи. „Вестник Каракалпакского филиала Академии наук УзССР“, 1966, № 2.
- [14] Сорокина Р. А., Ягодин В. Н. Развитие гидрографической сети Приараль-

ской дельты Амударьи в голоцене". Сб. "Колебание увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене", М., изд-во "Наука", 1980.

[15] *Тлеуов Р. Т., Сагитов Н. И.* Осетровые рыбы Амударьи. Ташкент, изд-во "Фан" УзССР, 1973.

[16] *Шапошников Г. Х.* Рыбы Амударьи. Труды ЗИН АН СССР, т. 9, вып. 1. М.-Л., изд-во АН СССР, 1950.

[17] *Цепкин Е. А.* Древняя промысловая фауна рыб реки Амударьи. "Вопросы ихтиологии", 1964, № 2, т. 4.

[18] *Ягодин В. Н.* Кердерское поселение Курганча (К изучению исторической топографии и хронологии). Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, изд-во "Фан" УзССР, 1973.

[19] *Ягодин В. Н.* Хайван-кала—раннесредневековый Кердер. Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, изд-во "Фан" УзССР, 1981.

Summary

Analysis of the osseous fish remnants from the Kerder settlements of the VII—Xth centuries from the delta of Amudarja attached to the Aral Sea is given in the article. Results of the analysis are used for the reconstruction of the natural surroundings of the lower reaches of Amudarja of the epoch of the early Middle Ages.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Д. С. НАСЫРОВ

ОПЫТ СОЗДАНИЯ КАРАКАЛПАКСКОЙ ЧАСТИ

"ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СССР"

Каракалпакская диалектология возникла как отдельная отрасль каракалпакского языкознания в последние двадцать лет в связи с разветвлением с начала 1960 г. планового систематического изучения особенностей диалектов и говоров каракалпакского языка.

Продолжавшееся в течение десяти лет (1960—1970) системно-монографическое изучение явилось важным начальным этапом изучения диалектов и говоров каракалпакского языка. Оно обеспечило, начиная с 1970 г., переход к новому этапу изучения диалектов—методами лингвогеографического исследования, конечной целью которого является создание диалектологического атласа каракалпакского языка, состоящего из отдельных карт с изоглоссами фонетических, грамматических и лексико-семантических различительных черт междиалектных и внутридиалектных особенностей общенародного разговорного каракалпакского языка. В результате в течение 1970—1975 гг. был завершён "Диалектологический атлас каракалпакского языка" из 143 диалектологических карт фонетического, морфологического, лексического и семантического характера, разработанных на материале 49 опорных пунктов территории Каракалпакии. С 1976 г. диалектологи приступили к сбору материалов для каракалпакской части "Диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза" по "Вопроснику", составленному сотрудниками сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР. И в 1978 г. завершили составление каракалпакской части "ДАТЯ СССР", состоящей из 140 карт, разработанных на материале 6 установленных пунктов.